

Николай Комлев

Политика именованний с позиций социологии

Studia Rossica Posnaniensia 28, 85-92

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ПОЛИТИКА ИМЕНОВАНИЙ С ПОЗИЦИЙ СОЦИОЛОГИИ

THE POLITICS OF NAMING IN SOCIOLINGUISTIC ASPECT

НИКОЛАЙ КОМЛЕВ

ABSTRACT. The author analyses and critically evaluates actively spreading phenomenon of renaming geographical objects, organizations, institutions, means of transport, goods, the subjects of culture, etc. The analysis is presented at the background of social changes in Russia which are, according to the author, highly unfavorable from linguistic and cultural points of view.

Николай Комлев, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, ул. Воробьевы горы, 117899 Москва, Россия.

Данная статья относится к области анализа некоторого класса имен, который оказался особенно чувствительным к социальным переменам на территории, где функционирует русский язык.

Как бы мы ни интерпретировали кризисное состояние внутри страны и на бывших просторах Союза от „потрясенного Кремля до стен недвижного Китая”, мы не можем не признать, что непосредственной причиной крушения системы было порочное **управление** и крах государственно-экономической **доктрины**. К обоим названным факторам непосредственное касательство имеет язык. Язык – это наиболее стабильный инструмент управления и очевидный носитель общественного сознания, а потому языку должно придаваться фундаментальное и стратегическое значение.

Язык – это, кроме того, первый атрибут нации, национального сознания и обычно бывает предметом национальной гордости.

Среди реликтов прежнего режима самыми тягостными остаются бюрократизация языка и трафаретизация мысли. Они выражаются прежде всего в стандартизированной фразеологии и лексическом минимализме. Проявляются они и в политике именований и переименований географических объектов, названий разного рода организаций, учреждений, объединений, а также изделий, товаров, средств транспорта, предметов культуры. Неупорядоченность этих обозначений ведет к сбоям в коммуникации.

Умом Россию не понять, но можно понять характер ее языка, а через посредство языка можно постигнуть ее душу, ее „дум высокое стремле-

ние". Народная мудрость гласит: „Хоть горшком назови, только в печь не станови". Аналогичные суждения есть и у других народов. Шекспировский Ромео нечто похожее говорил о благоухании розы независимо от того, как ее назовешь. Но существуют названия, которые аккумулируют в себе мощный заряд исторического опыта и национально-культурной специфики. К ним принадлежат, в частности, топонимы. Все хорошо помнят пушкинское: „...Как много в этом звуке для сердца русского слилось!". Если это истинно по отношению к Москве, то почему это не приложимо к Симбирску, Вятке или Царицыну?

Наши предки оставили нам не только высокое искусство, божественную архитектуру, но и романтические названия селений. Так что не только объекты, но и сами их названия зачастую являются историческими памятниками и в силу этого должны быть поставлены под охрану закона. Сравнивая слова родного языка с жемчугом, Гоголь писал, что в нашем языке „иное название еще драгоценнее самой вещи"¹. „Ужасно неприятное впечатление у меня от замены исторических названий городов", жаловался перед войной В.И. Вернадский². Режиссеру Александру Довженко переименование городов представлялось „показателем нашей поверхностности и неуважительности". Он предлагал: „Разве не лучше и достойнее было бы не имена городов менять, а фамилии героев по названию города, поэтому Полина Осипенко Бердянская намного лучше звучит, чем город Осипенко бывший Бердянск"³.

Вакханалия переименований распространялась тогда на все географические названия: города, районы, улицы, площади, парки, горные вершины. Дело не дошло только до переименования рек. Не было попыток переименовать, например, Волгу, Дон или Лену. Правда „почетные" имена некоторым водным артериям все же присваивались. Такой чести удостоился канал Москва-Волга, который стал величаться – „имени Москвы" (не ясно, впрочем, Москвы-реки или Москвы-города). Смешно было бы представить себе, чтобы где-то в Англии был канал им. Темзы или в Польше канал им. Вислы. Это было бы что-то вроде Ока имени Камы.

То, что изменение названий нарушает историческую преемственность, в настоящее время вполне осознано. Ясно, что присваивая имена городам и весям, правители желали возвеличить свои собственные имена. И эти замены удавалось делать вопреки тому, что практически все население такие акции никогда не одобряло, даже не было восторга и среди тех людей, кто симпатизировал им самим. Это подтвердит любой из живых

¹ Н.В. Г о г о л ь, *Предметы для лирического поэта в нынешнее время*. В: его же, *Сочинения*, т. 8, Москва 1951, с. 279.

² Цит. по: В.И. В е р н а д с к и й, *Коренные изменения неизбежны...*, „Литературная газета" 1988, № 2, с. 13.

³ „Правда" 1989, 11 сентября, с. 4.

в те времена. Хотя открытых публичных протестов против этого языкового вандализма мы не знаем, но в научной публицистике критические выступления не были редкостью, в их числе голос автора этих строк⁴. Не оставалось это и за пределами литературно-художественной сатиры – от Маяковского или Ильфа-Петрова и до Солженицына, Зиновьева и Войновича. Вот пассаж из *Двенадцати стульев*:

Освободившись от хитрого инструмента, веселый молодой человек пообедал в столовой „Уголок вкуса” и пошел осматривать город. Он прошел Советскую улицу, вышел на Красноармейскую (бывшая Большая Пушкинская), пересек Кооперативную и снова очутился на Советской. Но это была уже не та Советская, которую он прошел: в городе было уже две Советских улицы. Немало подивившись этому обстоятельству, молодой человек очутился на улице Ленских событий (бывшей Денисовской)⁵.

Сейчас проводится реставрация именовании и начали шириться новые переименования иногда того же самого сорта, что и раньше. В этих условиях необходимо сформулировать и систематизировать основные семантические принципы функционирования такого класса слов.

И вот **первый** принцип уже ясен. Это – преимущество, культурная кумулятивность имен. Достаточно вообразить себе, что греки переименовали бы Афины, и сколько исторического знания было бы сразу отсечено. К слову сказать, нередкие в наши дни изменения названий учебных заведений тоже наносят тяжелый урон репутации самих этих заведений. Отныне их перекрестили в университеты. Авторитет вуза мировой славы – Бауманского училища – от того, что он стал университетом, изрядно пострадал. Для таких высших школ началась новая история. Разве им надо было стыдиться старой? В Лондоне есть школа Итона. Уровень подготовки в ней учеников вызывает зависть выпускников иного вуза, но она гордо сохраняет свое именование с момента основания (с 1440 года). Наши просветители не раздумывая меняют названия средних школ и училищ на лицеи, гимназии, колледжи...

Также и переименования иноязычных названий городов и стран, когда они приводятся на своих языках, на русском надо вводить с исключительной осмотрительностью. Московским нормализаторам трижды пришлось менять название восточно-азиатской страны: Кампучию на Камбоджу, Камбоджу на Кампучию, а потом обратно на Камбоджу. Корректировка именовании Якутия на Соха-Якутия, возможно, имеет содержательную ценность в условиях самой этой республики, но для русского гражданина такая замена совсем бессмысленна. Похожая ситуация и с заменой привычной всем русским Молдавии на Молдову. Столь же мало способствуют улучшению взаимопонимания такие „совершенствования”,

⁴ Ср.: „Вопросы философии” 1981, № 11, с. 34.

⁵ Там же, с. 42.

как добавление к имени Таллин еще одного „н”. Да если пойти по этому пути, то надо менять и Ташкент (на Тошкент), Львов (на Львив), Харьков (на Харькив) и т.п. Скорее всего кто-нибудь предложит и Германию поменять на Дойчланд, Польшу на Польску, ибо именно таково самоназвание этих стран. Вместе с устранением прежнего названия национального региона теряется положительная коннотация именованного. Русскому сердцу более близки имена, например, Киргизия или Башкирия, чем чуждый привычному произношению Кыргызстан или Башкортостан. Здесь фонетика работает против народов российской семьи. Географические названия могут иметь и политические, конфликтные импликации. Широко известны в наше время коллизии, связанные с территорией по имени Македония. На это имя (!), а не на саму территорию *par excellence*, претендуют три страны.

Второй принцип – устойчивость, стабильность, стремление к консервации имени. Нельзя менять форму и значение этого рода словесных единиц, без того чтобы не нарушить эффективности коммуникации. Никто не будет искривлять линейку, которой он сам же пользуется. Рассказывают, что в Одессе ул. Арнаутская с семнадцатого года переименовывалась семнадцать раз. В рассказе М. Зощенко переименовали пароход „Пенкин” в „Грозу”, из-за чего возникло много недоразумений. Но неприятностей стало еще больше, когда этот же пароход называли „Короленко”. Тогда пассажиры просто решили ходить пешком. Это – беллетристика. А вот актуальный факт. Российский (советский) авианосец сначала назывался „Рига”, затем „Леонид Брежнев”, потом „Тбилиси”, а сейчас он носит имя „Адмирал Кузнецов”. От переименований может снизиться боеспособность корабля.

Американцы после убийства Дж. Кеннеди присвоили Мысу Канаверал имя погибшего президента. Но вскоре сообразили, что от этого больше вреда, чем пользы, и восстановили старое название. Недугом переименований охвачена в последние десятилетия и Польша. Легкомысленная игра с именами так же неразумна, как если бы ребенка при рождении назвали Петей, а когда он вырос – Володей. Постоянная перемена имен создает неуверенность в говорении.

Третий принцип – внимание к внутренней форме имени (первичного значения). В исторически сложившихся за многие века именах их вербальное, даже яркое, содержание не задерживает нашего взгляда. Ср., например, Смоленск, Петушки, Набережные Челны, Гусь-Хрустальный. Но когда вместо старого предлагается новое имя, его внутренний образ бросается в глаза и тут уж надо десять раз отмерить. Иллюстрацией грубой несуразности было некогда наречение Нижнего Новгорода именем Горького. Внутренняя форма от понятия „горечь”, может быть, хороша и уместна для псевдонима писателя, выбравшего себе такую фамилию из-за трудной биографии, но назвать „горьким” сло-

вом почти миллионный город для повседневного использования, согласитесь, не было подарком для нижегородцев. Сейчас имя восстановлено.

Неразумно называть также старые населенные пункты именами современных нам зарубежных деятелей (естественно, с неясной иноязычной этимологией). Подчас их употребление ведет к курьезам: „Тольятти – город молодых, хотя в этом году ему исполнилось 250 лет”⁶. В выборе имени лучше полагаться на народное чутье. В.В. Виноградов цитирует К. Паустовского:

Названия – это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа... Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует это делать прежде всего грамотно со знанием страны и с любовью к ней. В противном случае названия превращаются в словесный мусор, рассадник дурного вкуса и обличают невежество тех, кто их придумывает. Нельзя называть города так неблагозвучно, что людям в них неприятно жить⁷.

Можно сказать больше. Переименованный город – это наполовину потерянный для России город.

Здесь играет роль и морфология топонимов. Известны злоупотребления суффиксом *-щина*. Если этот суффикс естественен для именовании юго-западных областей – Харьковщина, Брянщина, Смоленщина и даже еще Рязанщина, то для Казанщины, Челябинщины или Московщины это выглядит нелепо (кто-то употребил даже название Техасщина).

Данный принцип должен иметь силу и для обозначения иных объектов – вроде общественных организаций, учреждений, объединений. Трудно навязывать, например, рок-группам, как они должны себя именовать. Они обычно стремятся своим названием апатировать публику и привлечь внимание неординарностью, но часто они достигают обратного результата. Ср. русские наименования групп: „Доктор Ватсон” (исполняет русские шлягеры), „Агата Кристи”, „Несчастный случай”, „Крематорий” и даже „Ногу свело” (не хватает только разве что „Рожу перекосило”!).

Нередки курьезы с названиями марок автомобилей. Так, „Жигули” оказалось созвучно с „жиголо” и стало вызывать трудности при экспорте. Но хуже, что название во множественном числе. С точки зрения коммуникации это неудобная форма и для внутреннего общения. Если „штаны” во множественном числе как-то вошли в привычку, то „автомобили” (об одной машине) все время приводит к недоразумениям. Поэтому в обиходе все спонтанно заменяют термин на „жигуленок” (даже в печати).

Все еще не изжита тяга русских к плеонастическим, длиннющим наименованиям вроде названия одного московского института – „Централь-

⁶ „Огонек” 1987, № 35.

⁷ В.В. Виноградов, *Проблемы русской стилистики*, Москва 1981, с. 177.

ный научно-исследовательский и проектный институт типового экспериментального проектирования курортных, оздоровительных, туристских зданий и комплексов". По-прежнему сохраняется любовь к необъятным аббревиатурам типа „Главмосплодоовощпром“.

Четвертый принцип можно бы выразить так: Избегай стандартов! Стандартизация в культуре и униформизм именовании – это специфическая черта тоталитарных порядков. Если проводится какая-то языковая акция, то она приобретает аккордный характер. У нас было 25 городов в честь Кирова и как минимум 44 в честь первого вождя – десять по его фамилии (Ульянов), – более тридцати по его псевдониму (Ленин) и 4 по его отчеству (Ильич). Наш веселый композитор Н. Богословский пошутил так: „Только в стране сумасшедших Екатеринбург может находиться в Свердловской области, а Санкт-Петербург – в Ленинградской... А губернаторы правят не губерниями, а областями”⁸.

Топоним должен обладать яркой дифференциацией и большой разрешающей силой. Присвоение огромному числу объектов наименования „Юбилейный” (дворцам, кораблям, коньякам и т.д.) создает, выражаясь в терминах информатики, коммуникативный шум. Это имя превращается из собственного в нарицательное, а точнее в пустое. Да и чаще всего бывает не ясно, какой юбилей, какого человека или организации увековечивается.

Не приходится удивляться, что такая трафаретная повсеместность имени вызывает помехи в межперсональном повседневном общении. В системах связи, как известно, доставляют немало хлопот слова-топонимы с низким порогом различительных признаков типа: *Эмба – Амба, Новопокровское – Новопокровская, Нерета – Нерехта, Черемхово – Черемухово*. А типовые названия районов и улиц городов не только лишают район, улицу и сам город определенного лица, но и тиражируют унылую структуру городов по всей нашей многоликой стране. Называя в адресе слово *Арбат* или *Елисейские поля*, нам уже не надо называть даже и города. Так что не далеки от истины слова одного поэта:

И от стандарта
Столица может пострадать
Не меньше, чем от Бонапарта.

Пятый принцип – избегать псевдополитизации. Очень много объектов, в именовании и переименовании которых просматривается попытка облачить объект в официально-казенные одежды или придать имени патетическую стилистику. Например, что должна в Москве увековечить 23-я городская больница им. *Медсантруда*? А сколько вносят путаницы числовые названия – *1905 года, Десятилетий, Пятидесятилетий...*

⁸ „Вечерняя Москва” 1993, 30 апреля.

Но все-таки самым легким способом достичь псевдополитизации и создать себе идеологическое алиби – это назвать объект или организацию именем „Родина”, „Дружба”, „Братство”. Как писал Владислав Ходасевич, „есть большая разница между «показательным», когда показывают то, что есть, и «показным», когда показывают то, чего нет”⁹. А мегаломания памятников и сейчас выступает как отрывка эстетической напыщенности, напоминающей прежний китайский девиз: Большое значит красивое. Я говорю не о пугающих черных скульптурах-чудовищах, которые возникли почти во всех городах с благородной целью увековечить наши победы в Великой Отечественной войне. Я имею в виду воздвигаемые еще и сегодня неуклюжие фигуры, взмывающие выше Александрийского столпа.

Но вернемся снова к именам. Отдельная сфера именовании – это область нарицательных имен. Представленные общие принципы именовании касаются и этих обозначений, но знаковая их мотивация имеет ряд специфических отличий, характерных для разных тематических групп. Так, в общественно-политической лексике и фразеологии наиболее ярким маркирующим признаком является эвфемизация, камуфлирование реальных значений, например, *экстремист* (вместо враг, террорист), *боевик* (вм. бандит, налетчик), *популист* (вм. демагог), *авангардист* (вм. левак, халтурщик в искусстве), а также *спецприемник-распределитель* (вм. ночлежка), *спецсредства* (вм. слезоточивые газы), *компетентные органы* (вм. МВД и ФСБ/КГБ), *ответственные работники* (вм. служащие администрации) и т.п. Чаще всего речь идет о словах, что-то скрывающих или прикрывающих. Здесь уместно вспомнить, что имя выходит за пределы объекта, им обозначаемого. Приведем в подтверждение этого два суждения довольно разных по своим воззрениям авторов. Вот как это соотношение видит П. Флоренский: „Имя Божие есть Бог; но Бог не есть имя. Существо Божие выше энергии Его... То, что я вижу, глядя на солнце, есть именно солнце, но солнце само по себе не исчерпывается тем только действием, которое оно на меня производит... Символ есть такая реальность, которая выше себя самой”¹⁰. А теперь А. Виттгенштейн: „Когда я даю вещи имя, то при этом я не устанавливаю ассоциации между вещью и словом, но указываю на правило применения этого слова. Так называемое «интернациональное отношение» растворяется в таком правиле”¹¹.

Филологические ошибки, говаривал Василий Розанов, бывают часто источником ошибок политических. Но перекосы в сигнификации язы-

⁹ В. Ходасевич, *Пролеткульт и т.п.*, „Литературная газета” 1989, № 13.

¹⁰ П. Флоренский, *Об имени Божием*, „Вестник МГУ”, сер. 3, Филология 1994, № 3, с. 80-81.

¹¹ L. Wittgenstein, *Schriften. Wittgenstein und der Wiener Kreis. Gespräche, aufgezeichnet von F. Weismann*, Frankfurt am Main 1967, с. 169.

ковых объектов и общественных реалий, которые я здесь представил, это не филологические ошибки. Это вообще не ошибки. Это симптомы недостаточной филологической просвещенности в первую очередь „компетентных” и „ответственных” работников сверху и на местах. А вот уж виноваты в этом те, кто не способен их просветить – филологи.